

— Шао Ицянью, проснись. Никто не сможет быть твоей опорой всю жизнь.

— Пока ты ничего не добьешься и не найдешь то, на что сможешь опереться, этот мир не будет заботиться о самоуважении человека, который ни на что не годен. Ты навсегда останешься никем, и все твои бунты и крики будут выглядеть жалко и смешно, как у клоуна на рынке.

Янь Янь кашлянул, поднял с земли Пса, который своим необычным видом пытался привлечь внимание, и прижал его к себе, словно спасательный круг. Запрокинув голову, он спросил:

— Но что мне делать, пока я ни на что не годен? Я ведь расту, а не просто становлюсь старше.

Бабушка Шао ничуть не удивилась, что Янь Янь задал такой вопрос. С двух лет он жил здесь, вдали от родителей. Несмотря на множество людей вокруг, он всегда был одинок. В каждом его движении сквозила осторожность, не свойственная его возрасту. Это было особенно заметно по тому, как он воспринимал слова старших как закон... Но для ребенка, живущего вдали от родителей, это был единственный выход.

Она повернула голову и увидела в его руках Пса, похожего на мумию. Уголок ее рта дрогнул. Желая разрядить мрачную атмосферу, она с совершенно серьезным видом произнесла:

— Тише воды, ниже травы.

Шутка не удалась, оба ребенка молчали. Бабушка Шао вздохнула, взяла за руку Шао Ицянью и кончиком пальца на его ладони, где четко проступала «линия, пронзающая сердце», написала иероглиф — «десять».

— Тогда пока будь... человеком.

Середину фразы Шао Ицянью не расслышал, потому что снаружи внезапно раздался громкий звук падения чего-то тяжелого. Он только видел, как губы бабушки Шао несколько раз открылись и закрылись.

Затем во дворе послышались беспорядочные шаги, и мама Шао громко крикнула:

— Эй, Шао! Ты стоишь там, разинув рот, и ждешь смерти? Веди машину! На что тебе глаза? Вырви их да повесь вместо лампочек!

Не говоря уже об остальном, по одной этой сцене было понятно, что папа Шао жил под каблуком у жены.

Пес среагировал быстрее всех. Этот неудачник, позабыв о своей прежней жалкой позе, первым бросился к двери, надеясь выскочить наружу. Но он забыл одну вещь — дверь открывалась внутрь!

Он так сильно рванулся, что сам ударился о дверное полотно и, как мокрая лапша, сполз вниз.

Все присутствующие:

— ... Ну и морда у тебя, заслужил!

Трое поспешно выбежали во двор. Вокруг мельницы уже собралась толпа соседей, которые что-то оживленно обсуждали.

Посреди двора стояла очень красивая женщина с тонкими бровями, миндалевидными глазами

и маленьким ртом, с волосами, собранными в хвост. В ярком лунном свете она выглядела еще более привлекательно.

Однако... от нее веяло аурой «меня лучше не трогать», и она казалась настолько старомодной, что в ее яркой красоте чувствовалась какая-то деревенская простота. Она была похожа на легендарную «волшебницу», или, если точнее, — на красавицу-деревенскую девушку.

Говорят: «В душе — и светло». Но здесь было видно, что образование ей никогда не светило.

Во дворе было много людей. Сердце бабушки Шао тяжело опустилось. Она протиснулась сквозь толпу, а дети, воспользовавшись моментом, проследовали за ней.

Внутри мельницы царил хаос, будто ее только что ограбили. Недавно установленная новая мельница была полностью разрушена: алюминиевый корпус разломался на две части и беспомощно занимал пространство в десять квадратных метров.

...А под машиной лежал старик Шао. Его правая половина тела была придавлена грудой металлолома. Лицо исказила гримаса боли, глаза были закрыты, но губы что-то шептали.

Пространство было тесным, силы можно было приложить только с двух-трех сторон, так что поднять эту махину могли лишь двое-трое взрослых мужчин.

Глаза Шао Ицяня мгновенно налились кровью. Растерянный, он бросился помогать поднимать машину, крича:

— Дедушка, дедушка! Эй, старик!

У этого парня воображение и способность считать были в обратной пропорции. В полумраке ему показалось, что вокруг старика Шао собрались маленькие бесы и совещаются, как вытащить его душу. Он даже представил, как старик Шао лежит в гробу, от чего по спине пробежал холодный пот.

Янь Янь издал звук, похожий на «уа», — непонятно, от удивления или от страха. Он не сказал Псу ни слова, просто бросил его на землю и присел, помогая поднимать машину. Покраснев от натуги, он пыхтел.

Бабушка Шао глубоко вздохнула, бесцельно посмотрела на стену перед собой и медленно произнесла:

— Шао Ицянь, видишь? Вот так. Все происходит внезапно, не оставляя времени на подготовку.

У Шао Ицяня в голове что-то взорвалось, кровь прилила к лицу, и он не смог сдержаться:

— Что за старуха ты такая! Твой муж в таком состоянии, а ты находишь время говорить глупости!

И правда, старина Чэнь был так взволнован, что лицо его раздулось. Казалось, только бабушка Шао сохраняла спокойствие, словно под завалом лежал какой-то незнакомец.

— Мелкий засранец, завтра... ту копейку... ты, значит, не хочешь получать?

Шао Ицянь моргнул, быстро припал к земле ухом и услышал вполне четкую фразу:

— Отойди в сторону, ты только мешаешь, у меня от тебя рука сильнее онемела.

Эта новость так его обрадовала, что он готов был пуститься в пляс. Бормоча что-то невразумительное, он воскликнул:

— Эй, эй, не умер! Отлично!

Когда старика Шао наконец вытащили, два пальца на его правой руке были раздроблены, а один висел на куске кожи, едва держась. Кожа на тыльной стороне ладони была содрана, и выглядело это ужасно.

Пока он говорил, этот едва держащийся палец упал на землю. Реагировать было поздно: осколки костей и кровь с шумом посыпались на пол, словно спецэффект в кино.

Старина Чэнь был самоуверенным дилетантом. Притворяясь знатоком, он прибежал в дом, принес кружку эрготоу и, бормоча «Амитабха», поднял отрезанный палец и опустил его в спиртное.

Старика Шао это чуть не убило:

— Эй! Мой эрготоу! Ты все испортил!

Его лицо так перекошило, но он все еще находил время для перебранки. Видно, знаменитое шаоское искусство дурачиться записано у них в генах и верно передается по наследству.

Старина Чэнь сунул кружку с пальцем в руки старику Шао, велел нескольким соседям выносить его наружу и, не оборачиваясь, гаркнул:

— Заткнись, брат, а то я и тебя туда суну!

Старик Шао взглянул на свой оторванный палец и благоразумно решил, что золото молчит.

Как раз в этот момент за воротами послышался рокот мотора. Папа Шао, работавший в транспортной бригаде, привел гигантский грузовик длиной метров в пятнадцать. Машина преградила узкий переулок так плотно, что и иголку не пропустишь.

Мама Шао только что выбежала из дома с кошельком и, увидев эту картину, чуть не упала в обморок. Эта «деревенская красавица» ловко открыла заднюю дверь и с одобрительной сарказмом заметила:

— Ты приехал за человеком или чтобы дом ломать? Почему бы тебе сразу не взять кран в аренду? Можно было бы поднять старика за шкуру, махнуть рукой — и напрямик на больничную койку.

Все суетились, шумели, и наконец старик Шао отправился в путь — в городскую больницу.

Бабушка Шао не поехала с ними. Она осталась, чтобы засыпать землей кровавое пятно на полу, а затем набрала номер деревенской ремонтной службы на старом телефонном аппарате, прося людей прийти чинить мельницу посреди ночи.

Когда все улеглось, она не спеша поправила волосы и сказала Шао Ицяню, которого лишили права ехать в больницу:

— Кто бы ни ушел, жизнь продолжается.

Шао Ицянь от злости затопал ногой:

— Бабушка! Ты... хм!

Он долго бормотал «бабушка», но так ничего и не вымолвил. Пробормотав что-то еще, он в сердцах побежал прочь. Скорее всего, он направился к Чэнь Мэну, чтобы сорвать на нем злость.

Автор имеет сказать:

Децеребрационная ригидность: при перерезании ствола мозга между верхним и нижним холмиками и ниже красного ядра у анестезированного животного оно немедленно демонстрирует усиление мышечного тонуса, ригидность конечностей и выгибание позвоночника. Это явление называется децеребрационной ригидностью.

<http://bllate.org/book/16843/1549629>